

ГОНТ

Газета о нашей гимназии

12 октября 2023 года № 4 (290)

50г на летней практике

10 гуманитарный класс этим летом посещал Санкт-Петербург. Перед первым практическим заданием у нас была лотерея - каждый вытянул из коробки небольшой листок бумаги с датой. Дата обозначала какое-то событие, важное для мира, историческое или литературное. Период - восемнадцатый век.

Гуманитариям поручили составить стилизации от лица путешественников во времени, случайно попавших в года с карточек, а остальные должны были догадаться, в какой год попал путешественник. Мы нашли тему достаточно интересной, чтобы разместить здесь пару работ и дать остальным возможность тоже сделать свои предположения!

В работах могут присутствовать небольшие исторические неточности - мы еще учимся. Года-ответы будут в конце.

Стилизация 1

Был конец мая 2023 года. Природа ждала своенравного, пышущего жаром лета, но весна ещё была здесь полновластной царицей. Вечерний воздух был пьяняще густ и свеж. Мир словно застыл в безвременье, между днём и ночью. Вокзал казался мне волшебной границей между двумя мирами: Москвой, моим шумным, бешено мчащимся куда-то миром, и Петербургом, миром когда-то могущественным, а теперь тихо дремлющим. Я с наслаждением растянулся на широкой скамейке, блаженно закинув голову. Однако я не почувствовал за собой спинки. Это показалось мне странным, и я обернулся. Вместо стен Московского вокзала за моей спиной простиралась бескрайняя болотная топь, в которой царил полчище исполинских комаров!

Я встал в растерянности. Все мысли смешались. Куда же мне идти? Ведь я же явно шёл к вокзалу, как же так случилось, что я сюда вышел? Да и где я теперь?

Навстречу мне, ловко перемещаясь по кочкам, двигалась весьма сомнительно одетая особа. Она посмотрела на меня, прищурилась, сделав рукой козырёк, и подбоченилась, из-за чего стала похожа на пожилого задорного капитана.

- Извините, Вы не подскажете, как пройти к Петербургу?

- Куды?

Старушка говорила на таком ломаном русском, что я невольно вздохнул:

- Охтеньки!

- И охтенцы.

- Простите, не понял?

- Охтенки и охтенцы! С Охты мы.

- Кто сох-то?

- И-и-и, да полно тебе, проказник! Шо тут высохнет?! Стоит тут у нас один уже третьи сутки. Ком грязи зачерпнет сапогом - швырнет в трясины со злости, а ей-то что, окаянной, всё вхлюпнет! Он опять зачерпнет - а она не будь дура и вхлюпни обратно! Да то не только в нашей деревне, вот ... А в

Я про себя изумился: «Ай да память!» А вслух сказал:

- Полно, да неужто Вы Петербурга не знаете?

- Не слыхала!

- А Ленинград? Ленинград знаете?

- Да не слыхала я!

- Ну, Питер! Питер!

- А-а-а, Питэр! Питэра отчего не знать? Стоит тут, как вкопанный: увяз по самые ботфорты.

И я увидел его, Петра Великого. Так близко, так естественно, эту великолепную маску, этот символ! Нет, не может быть! Не только потому, что уже минуло три с половиной века с его рождения: прошлое, которое было будущим, растаяло и было похоже на какой-то забытый сон. Нет, Пётр был таким живым, таким... настоящим! Он был

жив, казалось, он был жив все эти три с половиной века, нет, без истории, он просто жил!

Я осторожно рассмотрел лицо царя. Он выглядел совсем иначе, чем на известном портрете: имел жесткое, волевое, но красивое лицо, которое не портили даже нахмуренные брови - Пётр нёс тяжелый камень. Он и сам возвышался над топью, словно скала: стройный, высокий, неутомимый. Казалось, он не замечал меня, но не столько потому, что был занят работой, сколько оттого, что был погружён в глубокую задумчивость: живой Медный Всадник, глядящий вдаль.

Я совершенно не знал, как вести себя, и стыдливо поправлял толстовку. Зная суровый нрав Петра, я побаивался предстать перед ним в неподходящем костюме.

Но царь заговорил первым.

- Здесь будет стоять великий город. И будет он в мирное время сиять, словно сусальное золото, а в военное - будет твёрд и статен, как гранит.

Я невольно восхитился вслух.

- Великая мечта!

- Дело великое. Что есть мечта без дела?

Он перевернул руки, и я увидел свежие мозоли на царских ладонях. И понял: им бы никогда не нашлось места на гладком, натертом туристами до золотого блеска памятнике.

Пётр, словно прочитав мои мысли, сказал:

- Вот он, живой памятник строится! А фундамент уж заложен...

Я проснулся на ночном Московском вокзале, мир оживал, вступая в ночную фазу бодрствования, и я понял, что безнадежно опоздал на поезд. Но мне уже не хотелось уезжать. Этот город я никогда не называю парадно, Санкт-Петербургом, только Питером, так, как любил, когда его называли так, его создатель...

Ася Шальнева, Настя Сыстерова, 10 «Г»

Стилизация 2

Из заметок неизвестного

В бортовой журнал. День шестой.

Прошла уже почти неделя моих ежедневных попыток исправить свои ошибки прошлого. На удивление, все пробы нового агрегата увенчались успехом. Но мне чего-то не хватает.

Я бесконечно благодарен за шанс спасти Мари в тот день, помочь матери с бизнесом и вовремя отказаться от азартных игр. Но любое увлечение в какой-то момент надоедает.

Я также чувствовал вину. Мне казалось, я трачу великую возможность на мелочи, на себя одного. Я верил, что способен на большее, на помощь не только себе. Что, если я смогу изменить историю дабы избежать фатальных ошибок?

Навязчивые мысли о совершении такого подвига преследовали меня весь день, и я не мог отвлечься ни на секунду. Конечно, таких больших прыжков во времени я ещё не делал, но, уверен, сбоев не будет и на этот раз.

Что ж, раз все решено, осталось только выбрать дату. Может, Вторая мировая? Или падение Римской Империи? Я колебался в выборе, но меня спасла оставленная сыном тетрадь (сколько раз я просил Жан-Пьера так не делать!!). Посмотрим, "Дворец Тюильри", "Национальный конвент"... История Франции, точно! С этого и начнём. Революция отлично подойдёт для первого значимого перемещения. "Битва при Вальми - победа над пруссаками". Туда и отправимся.

В бортовой журнал. День седьмой.

Поверить не могу, что все получилось!! Я записываю из прошлого, я действительно переместился - и не на десятки, а на сотни лет назад!!!

Но есть и плохие новости. Моё изобретение не идеально, как я и должен был предположить. Сбой при далёком перемещении дал о себе знать. Не знаю где я, но точно не во

Франции. Сплошные серые тона. Прямые перпендикулярные улицы, широкие проспекты, исключительно каменные здания. А это что там?.. Нет, не может быть... Кажется, это Петропавловская крепость... Да, точно, это она - я видел её год назад, во время семейной поездки в Россию.

Получается, я в России? Вернее сказать, в Российской Империи, если год все же верный и тоже не подвергся сбоям моего устройства. Что ж, в любом случае я здесь не за тем, чтобы медлить. Спрячу машину времени, найду ближайшее ателье, притворюсь местным (уроки русского в прошлом году наконец-то мне пригодятся) и найду способ помочь этим несчастным людям, не знающим, что их ждёт впереди.

В бортовой журнал. День десятый.

Я в полном восторге. Их язык звучит иначе, этого следовало ожидать, но я даже смог пообщаться с парой людей. Конечно, моё произношение оставляет желать лучшего, и на меня часто смотрят косо, но тот факт, что я общался с ними, до сих пор потрясает моё сознание.

Санкт-Петербург (оказалось, именно сюда я попал) - столица Российской Империи. Кстати, я даже не попал в изначально желаемый год - попал в тот, что на год позже. Если мне не изменяет память, тогда же в Париже был казнен король Людовик XVI.

Я видел столько всего интересного: были открыты новые учебные заведения, первый публичный театр в городе, привлекающий зрителей из разных слоев общества, первая биржа в России, ставшая центром торговли и экономической деятельности. Ещё был подписан и оглашен документ о некоем "Втором разделе Речи Посполитой", но история России всегда была моим слабым местом, так что сильно это меня не впечатлило.

Но пора возвращаться домой, здесь я мало кому нужен, да и вообще изначально я не планировал сюда попадать. Завтра отправляюсь домой.

В бортовой журнал. День одиннадцатый.

Я все ещё не дома. Я не мог так просто бросить этих людей. Я был прав насчёт Людовика, и, когда новость дошла и до Российской Империи, отношение русских к французам ухудшилось. Клянусь, я не мог так это оставить. Я выходил на улицы с просьбами понять французскую позицию, рассказывал все, что помнил из уроков истории.

Но этого было катастрофически мало. Меня осуждали и чуть не взяли под стражу. Мои речи не только не смогли наладить отношение русских к нам, но сделали только хуже. Меня называли предателем Родины. Более того, фанатичные персоны начали разжигать конфликт и просить начать войну.

Кажется, моя цель избежать фатальных ошибок обернулась их созданием... Теперь точно пора домой, здесь мне не место.

В бортовой журнал. День двенадцатый.

Итак, я снова дома. В своём 2074. Как приятно оказаться дома. Пока не встретился с Мари и Жан-Пьером, но обязательно сделаю это вечером. Поверить не могу, что путешествие прошло успешно! Конечно, не без проблем, над этим я ещё поработаю, но ведь успешно! Не терпится рассказать все сыну!

В бортовой журнал... День... моей смерти.

Я не рассказал. Я никогда больше ничего не смогу рассказать сыну. Я все испортил.

Что я наделал?.. Как изобретательский дар достался такому идиоту? Как я сразу не вспомнил о временных парадоксах и особых эффектах? Сыграв роль в далеком прошлом, я поменял ход истории далеко не в ту сторону, которую мне хотелось. Здесь, в новом будущем, люди говорят на неизвестном мне языке. Миром правят неизвестные мне личности. Города построены из неизвестного мне материала. Здесь моего сына никогда не

существовало. Ни его, ни моей Мари, ни моих родителей. И меня не должно было здесь быть.

Я все испортил. Все из-за меня.

Эта машина принесла одно разрушение. Я уничтожил её, чтобы мою историю не повторил другой несчастный.

Мне больше нет смысла продолжать существовать. Мне жаль. Прости, Жан-Пьер.

Марьям Рахманова, 10 «Г»

Стилизация 3

Я очнулся посреди зимнего города; наступивший день почему-то казался очень значимым. Он был холодный и серый, такой же, как и любой зимний петербургский день, но этот по-особенному: душа города тучами сосредоточилась в одном-единственном месте, будто намереваясь выплакаться, выплеснуть горечь. Снег тяжелыми клубами падал на землю, мешая людям проходить вперед, загоразживая торжественный вид: стихия будто не желала признавать происходящее. Я стоял неподвижно, глядя, как в тяжёлые двери заносят гроб – широкими шагами, но медленно, величественно. Я проследовал за процессией. Мне не терпелось узнать, почему этот день изначально показался мне таким особенным: я точно не ошибся – на лицах присутствующих отпечатались глубокая скорбь и разочарование.

Я огляделся, наскоро пытаюсь понять, где я. Наконец догадался, что это был за золотой шпиль – я в Петропавловском соборе. Хоронили члена императорской семьи. Я был поражен до глубины души тем, что эта проклятая машина непреднамеренно отправила меня в такой значительный день, а я даже не знаю точно, что происходит!

Внесённый гроб опустили подле другого, ранее мною незамеченного – он выглядел значительно более старым... Возле гробов стоял мужчина средних лет в траурном императорском одеянии. Его лицо выражало скупую грусть с

примесью чего-то ещё — я не мог понять этого, но его чувство точно отличалось от всеобщего настроения. Он переводил взгляд с одного гроба на другой, и если на один, потрепанный временем, он смотрел с искренней теплотой и сочувствием, то от второго спешно отворачивался, долго не задерживаясь на нем взглядом.

Священник поочередно поставил на крышки гробов золотые короны. Кажется, то были супруги, но второй из этого союза ушёл намного раньше другого.

Многие из присутствующих на похоронах смотрели на императора с недоверием, едва скрываемым за пеленой скорби. Будто не замечая этого, император подошёл к своей жене, мрачно одетой, устремившей глаза в пол. Вокруг них всё было пусто, но император с императрицей будто были объаты дымом нежеланного внимания со стороны прочих гостей: вместо усопшего все смотрели на них. Взгляды их были липкие, но осторожно-испуганные. В моей голове зародилась мысль: быть может, произошла смена власти, которой никто не ждал.

Началась панихида по усопшему. Чуть дрожали горящие свечи, огоньки плясали в опущенных глазах пришедших. Гробы торжественно были помещены в приготовленный могильный склеп в южном нефе собора: сначала тот, что выглядел новее, потом тот, более древний. Духовенство провозгласило Вечную память. Погребение подходило к концу. Я приподнял рукав плаща и глянул на часы: мне пора возвращаться. Заторопившись, я заметил плиту, которую надлежало впоследствии положить над захоронением. Я разглядел изящные золотые буквы на гробах. Теперь мне всё стало ясно. Выдохнув, я подумал о том, как мало времени мне удалось провести здесь, а после тихо вышел.

Даша Севостьянова, Арина Базарова, 10 «Г»

ОТВЕТЫ: 1703 год, 1793 год, 1796 год.

Материал подготовила Даша Севостьянова, 10 «Г»

Петербург глазами десятого "Г"

Петербург - это организм, состоящий из поистине уникальных элементов. Бьётся сердце Дворцовой площади,

течёт жизнь по артериям проспектов. Каждый великий человек, приложивший руку к его истории, навсегда останется клеточкой этого гранитного Атланта. Грандиозная жизнь бьёт ключом, пронося в себе каждого из них сквозь века. Любой открывшийся Петербургу способен ощутить присутствие этого великого прошлого и стать его настоящим.

Уникальные люди десятого класса "Г" смогли

услышать симфонию белых ночей, когда разводились мосты, и огни фонарей танцевали, вторя этой мелодии:

Ты ни за что не заблудишься в Петербурге — сами улицы не позволят: они возведены такими ровными, строгими, безупречными не для того, чтобы среди них терялись. Гордые дома образуют свой порядок, рисуют геометрию города. Приглядевшись к улицам, услышишь этот особенный звук — местную симфонию. Симфонию, потому что бесконечность броских домов поражает воображение, но отторжения не вызывает. На то одна причина — гармоничность. Москва в этом смысле — какофония. Петра она оглушила, и потому его Петербург должен быть чем-то противоположным, чем-то, глубоко отражающим важнейшую его черту: симбиоз строгого порядка и яркой индивидуальности. Был создан целый ряд

правил, по которым должны строиться дома в его городе, как будто Петербург и вовсе не город, а огромный полк, дома же — марширующие солдаты, выраженные в мундиры, монотонные, одинаково постриженные, так, чтобы макушка не превосходила высоты Зимнего дворца. Полк не удался: это больше напоминает церковное песнопение, хор исполненных одной идеей голосов, разных, но образующих симфонию, отраженную от стен собора.

Пётр не мог того замышлять, но особая петербургская мелодия деревом проросла сквозь века и раздаётся теперь отовсюду. Яркий пример этому — чарующая симфония запахов: со всех сторон слышится кофе и табак из-за угла, мокрая трава, громко пахнут цветущие пионы в Екатерининском парке. Царица запахов Петербурга — Нева. Она пропитала собой весь воздух. Она исчертила весь город каналами, навевающими её воздух повсюду. Кажется, даже вдали от набережной доносится мокрый, сладковатый запах её волн.

Любой заметит петербургскую симфонию света. Белые ночи творят чудеса с вечерней рекой, отчего она почти мерцает, отликает цветом сонного неба. Цветовая симфония слышится совершенно особенно в петербургских дворцах, богатых на зелёный бархат, золото, мрамор, ореховое дерево, Ломоносовское стекло. Своя художественная симфония и у простых петербургских улиц — у множества домов вы найдете изящные фасады с мифическими героями или фронтонами, маленькие хаотично расставленные балкончики, украшенные цветами, парадные обычных жилых домов с огромными лестницами и колоннами; иногда можно встретить и серые, давно утратившие свою былую роскошь дома — то, должно быть, дети с заднего ряда цветового церковного хора. Удивительно, как спокойно эти два мира здесь сожительствуют, но это сочетание, как и все прочие, гармонично.

Прогулка по старым улицам Петербурга чревата. Быть может, карта и сможет вывести тебя к нужному месту, но противостоять страшному зову невозможно: вездесущая петербургская симфония настигнет и обезоружит любого путника, зацепив тонким запахом книг и волн. Поддававшийся соблазну, но счастливый, ты, скорее всего, остановишься на пару минут, чтобы разглядеть многолетние таблички на стенах, чтобы втянуть влажный воздух, чтобы услышать уличных музыкантов — и это правильно.

Даша Севостьянова 10, «Г»

Наши сердца, открытые и беззащитные, оберегали крепкие пальцы мрамора:

«Хуманизация» в мраморе

человеку свойственны пороки. человек бывает трусливым и резким - это михайловский замок. человек бывает жадным - это дворцы, облитые золотом. бывает нечестен - чиновничьи домики, в которых властвует коррупция. бывает развратен, пьян и подл - и это просто в парадных и на проспектах, просто вокруг.

но, кроме пороков, человеку свойственно что-то еще. дружба, породившая лицейское братство. храбрость и надежда, которые были у декабристов. терпение и бережность, из-за которых памятники искусства дожили до наших дней, несмотря на войну.

вы не подумайте, я не делю на черное и белое и не веду к сомнительной морали. дело просто в том, что петербургу свойственна человечность.

сердце на кончике пальца - это совсем не практично. но зато сердце на кончике пальца не скрыто за ребрами, а отгорожено только тонкой мембраной.

на обычном красном сердце не видно ни грехов, ни добродетелей. сквозь мраморную кожицу видны все червоточинки-сосуды, все белинки-ткани, без которых не

может быть человек, потому что сосуды и ткани - это способ быть, и потому что червоточинки и белинки - это и есть человечность.

но даже червоточинки и белинки - это не главное. главное - это чувствительность сердца к «наружному» миру. палец чувствует, что такое гранит, а что такое дубовый листочек; палец чувствует холод и жар, и поэтому боль тоже чувствует, и поэтому чувствует радость. грудное сердце знает названия, но ведь не чувствует.

и артемида у китайского дворца, и крылатые статуи в эрмитаже, похожие на фей, и худощавый павел, и ангелочки на саркофаге жуковского, и золоченые герои фонтанов, и плакальщицы, и влюбленные амурь. они все сказали мне одно.

"Все, что ты чувствуешь - это нормально. Главное ведь - чувствовать"

Соня Романенко, 10 «Г»

Город разговаривает с нами, открывая свои тайны и даря ответы на наши вопросы:

Стояла глубокая белая ночь, приближалось утро. Я потушил огни и приготовился заснуть хотя бы на три часа. Денёк выдался солнечный и жаркий, а ночь - людная и шумная. Не люблю людей. Теперь они относятся ко мне совсем не так, как следовало бы, и не так, как завещал мой отец.

Люди исчезали с улиц, я задремал, но ранний рассвет не дал мне уснуть. Утро обещало быть пасмурным и влажным - спать не имело смысла.

Вдруг я услышал голос. По улице шёл пожилой человек, судя по уверенной походке, трезвый. Один. Почему я его слышу?

- Батенька, батенька! - вздыхал он, - стоишь на своём месте триста лет, не боишься врагов, не знаешь смерти. Мне бы

твою мощь, батенька! У меня вот сегодня отец помер... Твой отец ушёл триста лет назад, но след его навсегда в сердце твоём, батенька! Научи, как жить, научи, как переносить горести и несчастья, но каждый раз вставать.

Этот человек действительно был удивителен. Я впервые за много лет видел человека вне толпы, слышал его мысли, обращённые ко мне, это было поразительно - толпа способна лишь кричать и топтать, а этот человек... Он не был мудрецом, но искренне стремился к познанию. Это воодушевило меня, я решил ему помочь.

- Слушай меня, мой друг, - промолвил я в тишине утра, прикрыв глаза.

Человек вздрогнул, остановился. Он в недоумении искал меня, и не подозревал, кто с ним говорит.

- Во мне - красота, - сказал я, указав на Зимний дворец, - во мне сила - Петропавловская крепость, во мне вера - Исаакиевский собор, во мне дух предков - Медный всадник. Никому за триста с лишним лет не причинил я зла, все беды снёс я на своих стенах. Я не творец, я... созерцатель. Будь же, человек, могуч и мудр. Наблюдай, рассуждай, запоминай - не вмешивайся в поток истории, позволь ему достичь устья, приплыви на нём в великое, бесконечное море. Люди слишком вольно меняют русло реки времени, но ты будь мудрее - не спорь, промолчи, смирись с утратами - созерцай.

Человек стоял неподвижно. Я тоже замер, озвучивая сокровенную тайну, которая живёт во мне более трехсот лет, делясь ею с человеком. Когда я огляделся, увидел солнце. Оно сияло, отражалось от моих куполов, от реки, и маленькие солнца светились в глазах человека.

Человек промолчал. Он ничего не сказал мне: он тихо улыбнулся, посмотрел на храм, на небо, и с задумчивой улыбкой пошёл дальше.

Дима Усеинов, 10 «Г»

Материал подготовила Настя Сыстеровва, 10 «Г»